

— Не надо было идти их искать... иначе бы не получил ранение, сам напросился, — пробормотал он.

Фэн Жуй сразу уловил суть и повернулся к Цю Минцюаню:

— Ты специально пошёл нас искать?

Цю Минцюань не мог ничего поделаться, только улыбнулся:

— В тот день и я, и Хань Ли несправедливо обвинили Сян Чэна, и мне было неловко. Поэтому я уговорил Хань Ли пойти извиниться. А потом услышал, что вчера был день рождения Сян Чэна, так что...

Он с трудом достал из брюк листок бумаги, который написал президент Фэн, и передал его Сян Чэну.

— Я слышал, ты любишь музыку. Это... подарок на твой день рождения.

Развернув ноты, он замер.

Ноты, лежавшие в кармане брюк, были сильно испачканы кровью, и некоторые символы стали нечёткими.

Сян Чэн растерянно взял их и развернул.

«Под бескрайним небом» — Beyond.

— ...Я не слышал эту песню, — с недоумением сказал он.

— Да, она ещё не опубликована, — Цю Минцюань сделал вид, что всё в порядке, и улыбнулся.

— Это их новая композиция, они ищут лучшего партнёра среди крупных звукозаписывающих компаний. В музыкальных кругах уже многие обратили на неё внимание, и отзывы очень хорошие. У меня... есть друг в музыкальной компании, так что я смог достать её. Ты можешь первым оценить, но пока не пой её публично, ладно?

В глазах Сян Чэна вспыхнул огонёк, и его взгляд на Цю Минцюаня стал немного теплее.

Beyond были его кумирами, он их обожал!

— Конечно, конечно! Я буду петь её только дома, могу потренироваться на гитаре, которую мне подарил Жуй! — он почесал затылок, глаза сияли. — Этот подарок... спасибо!

Подумав, он добавил:

— Тогда всё, что было между нами раньше, забудем!

Цю Минцюань улыбнулся и кивнул:

— Хорошо.

Он был взрослым человеком в душе, и его никогда не беспокоила неприязнь Сян Чэна. Он всегда считал, что взрослому человеку не стоит злиться на школьника.

Теперь он понял, что дети есть дети: вражда возникает быстро, и дружба строится так же

быстро.

Дверь палаты тихо открылась, и вошли две женщины. Цю Минцюань взглянул на них и замер.

Хотя прошло несколько лет, он сразу узнал ту яркую, элегантную женщину в тонком пальто, которая несколько лет назад сидела в чёрном Toyota Crown — мать Фэн Жуя!

Рядом с ней стояла другая женщина, с изящной внешностью и слегка холодной, интеллигентной аурой. Она была в очках и, посмотрев на него, улыбнулась с благодарностью.

Сян Чэн сразу подбежал к ним:

— Мама! Тётя Лю, вы пришли?

Цю Минцюань задумался: «Неужели это жена Сян Юаньтао, приёмная мать Сян Чэна?»

Вэй Цин внимательно осмотрела повязку на руке Сян Чэна, убедившись, что всё в порядке, и вздохнула:

— Сиди спокойно, не бегай, а то кость может сместиться.

В одной руке она держала большую корзину фруктов, в другой — коробку с молоком известной марки и упаковку питательных добавок. Лю Шуянь несла небольшой термос и букет цветов. Обе матери явно приехали из дома вместе.

Лю Шуянь быстро подошла к кровати и остановила Цю Минцюаня, когда тот попытался сесть.

— Мальчик, лежи! Не стесняйся.

Она положила свои вещи и с искренней благодарностью посмотрела на него.

Вчера, когда произошло происшествие, дети были так напуганы, что не стали скрывать от родителей. Обе семьи сразу узнали о случившемся и были в ужасе. Они были бесконечно благодарны Цю Минцюаню за его самоотверженный поступок.

Как бы он ни думал, но если бы он не бросился на защиту, не Сян Чэн, а Фэн Жуй мог бы получить удар!

Один — единственный ребёнок в семье, другой — приёмный сын погибшего героя. Оба были драгоценностями для своих семей. Мысль о том, что удар мог быть смертельным, заставляла их содрогаться.

Хотя Цю Минцюаню повезло, это не отменяло того факта, что он сам чуть не погиб.

Вэй Цин, не привыкшая к словам, подошла ближе, положила подарки и добавки на тумбочку и кивнула:

— Не двигайся, просто лежи. И... если что-то нужно, обязательно скажи.

Цю Минцюань посмотрел на её спокойные и красивые глаза и почувствовал неожиданное успокоение:

— Спасибо, тётя, я в порядке, врачи говорят, что скоро всё будет хорошо.

Лю Шуянь с лёгким упрёком вздохнула:

— Ты так сильно ранен, мальчик, как же ты...

Она почувствовала, что лицо Цю Минцюаня кажется знакомым, но прошло несколько лет с их последней встречи, и она его не узнала.

Она открыла термос, и аромат куриного супа сразу заполнил комнату.

— Вчера вечером я сварила куриный суп, он всё это время стоял на плите. Попробуй, это поможет тебе восстановиться.

Цю Минцюань растерялся, поднял глаза и увидел, что все в комнате смотрят на него с ожиданием. Хань Ли и Сян Чэн, конечно, Лю Шуянь с нежностью в глазах, а рядом с ней Фэн Жуй также смотрел на него, словно подталкивая.

Рядом стояла мать Сян Чэна, которая смотрела на него с заботой, протянула ложку и подала ему.

Цю Минцюань замер.

Он смущённо открыл рот, поспешно сделал глоток и тут же протянул руку, чтобы взять термос:

— Я сам... спасибо, тётя.

— Не стесняйся, тебе неудобно, — Вэй Цин настаивала.

Вчера вечером обе матери узнали из слов Фэн Жуя о ситуации в семье Цю Минцюаня и были тронуты.

Бедный, упорный, отличный ученик, рано повзрослевший. В таком юном возрасте он проявил смелость и самоотверженность, защитив своих одноклассников, с которыми у него даже не было близких отношений.

И ещё он был сиротой.

Вэй Цин осторожно кормила Цю Минцюаня, глядя на его лицо, внезапно задумалась.

Ресницы у мальчика были длинные, лицо, возможно, из-за потери крови, казалось бледным, но его нос и брови были чёткими, а в лице чувствовалась необычная для его возраста серьёзность и спокойствие.

Но он всё ещё был ребёнком. ...В то время как они переживали за Жюя и Сян Чэна, рядом с ним не было ни одного родственника.

Вэй Цин почувствовала грусть, глядя на синие вены на руке Цю Минцюаня, куда была введена капельница.

В палате было тихо, атмосфера была странной.

Хань Ли почесал затылок: «Мать Сян Чэна такая мягкая, как же она воспитала такого монстра!»

Большой термос с горячим куриным супом, который варился всю ночь, наполнил комнату

ароматом. Курица была настолько мягкой, что распадалась на волокна, впитав вкус ямса и грибов. Вэй Цин кормила Цю Минцюаня, пока он не съел почти весь суп.

Цю Минцюань с вчерашнего дня ничего не ел и действительно был голоден.

После этой порции супа он почувствовал себя гораздо лучше, на лбу выступил пот, и тело наполнилось теплом.

— Спасибо. Спасибо, тётя... — он смущённо пробормотал, чувствуя невысказанную благодарность и теплоту.

С самого детства в его жизни не было такой нежной женщины, роль матери всегда оставалась пустой. Такая забота, как у Вэй Цин, казалась чем-то, о чём он иногда мечтал в своих снах.

Вэй Цин поставила термос и тихо кашлянула:

— Не благодари меня, это сделала тётя Лю.

Подумав, она с лёгкой улыбкой добавила:

— Завтра я сама что-нибудь приготовлю.

Сян Чэн хихикнул:

— Мама, лучше не надо. Боюсь, твоя еда только отобьёт аппетит у пациента.

Вэй Цин с лёгким раздражением посмотрела на него:

— Этот ребёнок, он что, на небо собирается? Смеет говорить, что моя еда невкусная.

Сян Чэн, смеясь, подошёл и понюхал термос:

— А тётя Лю готовит вкусно!

<http://bllate.org/book/16729/1538893>